

— Глупости, — Чу Ханьюэ опустил взгляд на свой живот. — Снова пытаешься меня обмануть?

Цинь Фэн, обнимая его со спины, легонько сжал пальцами его подбородок и заставил обернуться.

— И в мыслях не было. Когда это я тебе лгал? Вот увидишь, когда они родятся, сам поймёшь. Мы всю ночь только о них и говорим... Ну же, дай хоть раз тебя поцеловать.

Чу Ханьюэ с явным пренебрежением попытался отстраниться, но крепкая хватка не оставила ему ни единого шанса.

— Пусти.

— Один раз, всего один поцелуй, — Цинь Фэн прижал его к себе плотнее.

Чу Ханьюэ был в положении, так что о чём-то большем не могло быть и речи, но Цинь Фэн считал, что было бы сущим преступлением обнимать такую красоту и не коснуться губ.

— У нас уже дети скоро будут. Я твой муж. Неужели мне даже целовать тебя нельзя?

— А разве я могу тебе помешать? — голос Чу Ханьюэ оставался холодным. — Целуй, раз так хочется.

Несмотря на формальное согласие, Цинь Фэн уловил в его тоне скрытую колючую обиду. Он нехотя разжал объятия и принялся умиротворяюще поглаживать его по плечу.

— Да, признаю, поначалу я вёл себя грубо. Но я просто не мог совладать с собой. К тому же ты ведь и сам не возражал... Или я тебе совсем не мил?

— Я... — Чу Ханьюэ на мгновение замялся, не найдя подходящего ответа, и перевёл стрелки: — А ты сам как думаешь?

— Как я думаю? — Цинь Фэн снова обвил его руками, поглаживая по спине, словно умиряя строптивого кота, и наконец не выдержал — приник к его шее, глубоко вдыхая родной аромат.
— Я думаю, что ты меня любишь. Хочешь, расскажу ещё что-нибудь из своего прошлого?

Чу Ханьюэ промолчал.

— Не хочешь? Ну, тогда я пойду, — Цинь Фэн заметил, как пальцы его возлюбленного судорожно сжались в кулаки, а затем снова расслабились. Эта внутренняя борьба, отражавшаяся в каждом жесте, была столь трогательной, что Цинь Фэн поспешно отвернулся,

чтобы не выдать улыбки. — Ухожу.

— Погоди, — Чу Ханьюэ спрятал сжатые кулаки в широкие рукава и опустил глаза, не желая смотреть на собеседника.

Цинь Фэн вскинул бровь и замер в ожидании. Он надеялся наконец услышать заветное признание, но время шло, а Чу Ханьюэ хранил молчание.

— Чего ждать? — наконец обернулся к нему Цинь Фэн.

Чу Ханьюэ хмуро созерцал пламя свечи, словно взвешивая каждое слово. Когда он наконец поднял голову, в его взгляде не осталось и следа недавних колебаний. Напротив, лицо его выражало полное, почти безмятежное равнодушие.

— Можешь не рассказывать. Мне это ни к чему. Если мне захочется послушать сказки на ночь, я найду этим детям отца помоложе.

Заметив, как лицо Цинь Фэна мгновенно позеленело от ярости, он ласково коснулся своего живота.

— Дети небожителя наверняка вырастут выдающимися. Премного благодарен Бессмертному почтенному за столь чудесный подарок мне и моему будущему молодому мужу.

— Мужу — и ладно, но «молодому мужу»?! — Цинь Фэн в негодовании опустил на корточки у его ног, забыв о своём намерении уйти. — Ты нарочно меня злишь. Не такой уж я и старый!

— Десять тысяч лет — сущий пустяк, — Чу Ханьюэ невозмутимо налил себе чаю и протянул чашку Цинь Фэну. — Колени у старика не затрещат от долгого сидения?

Цинь Фэн в запале даже не прикоснулся к чаю.

— Нельзя судить только по возрасту. Нужно смотреть на... другие достоинства!

— Мне нет и тридцати, — Чу Ханьюэ одарил его улыбкой.

От этой улыбки у Цинь Фэна мороз пробежал по коже, и он невольно откашлялся.

— Ну, ты же сам видел... я полон сил и энергии...

Поняв, что оправдания звучат неубедительно, Цинь Фэн просто положил голову на колени Чу Ханьюэ, бессовестно пользуясь его добротой.

— Ладно, я старый. Я попираю все приличия. Но что поделать, если мне нравятся те, кто моложе?

Чу Ханьюэ невольно подавил смешок. Кто бы мог подумать, что грозный Бессмертный почтенный Хуаян, одно имя которого внушало трепет всему миру, способен на такие детские капризы.

— Мне тоже нравятся те, кто моложе меня, — едва сдерживая смех, проговорил Чу Ханьюэ.

— Нельзя! — Цинь Фэн капризно заёрзал, ткнувшись лицом в его живот. — Тебе можно любить только меня.

Чу Ханьюэ вздохнул и хотел было потрепать его по затылку, но вовремя одернул руку.

— Скоро рассвет. Тебе не пора?

Цинь Фэн покосился на окно. И впрямь, небо уже начало светлеть. Уходить не хотелось, но медлить дальше было нельзя. Перед тем как исчезнуть, он порывисто обхватил лицо Чу Ханьюэ ладонями и крепко поцеловал в щеку, оставив на бледной коже яркий красный след.

Проснувшись, Чу Ханьюэ ещё долго сидел на постели, не в силах прийти в себя. Он коснулся лица, затем живота... Что бы ни происходило в чертогах сна, в реальности от этого не оставалось и следа.

Он поднял взгляд на стену, где раньше висел портрет Бессмертного почтенного. Там виднелся лишь пыльный след на обоях.

Чу Ханьюэ встал, достал свиток из шкафа и вернул его на прежнее место.

С портрета на него взирал всё тот же Бессмертный почтенный — величественный и недостижимый. Ликом он был точь-в-точь как тот, из снов, но в видениях он не был просто легендой, застывшей в веках. Там он казался живым человеком из плоти и крови, способным гневаться, радоваться и любить...

Чу Ханьюэ осторожно провел кончиками пальцев по шелку. Если после пробуждения всё исчезает, можно ли считать их общую историю правдой?

— Старший брат, ты встал? — в дверь осторожно постучали. — Старший брат?

Чу Ханьюэ отворил дверь и пригласил вошедшего войти.

— Глава, что-то случилось?

Лянь Гуанмань внимательно оглядел его.

— Когда ты вернулся из секты Ваньшань, на тебе лица не было — выглядел изнурённым. А теперь буквально светишься. Старший брат, неужели ты раздобыл какую-то редкую пилюлю?

Чу Ханьюэ, вспомнив свои ночные свидания с Бессмертным почтенным, невольно прикрыл рот ладонью и кашлянул.

— Просто в последнее время я хорошо высыпаюсь.

— Оно и видно. Ты всегда отличался строгостью к себе, — Лянь Гуанмань извлёк из-за пазухи письмо. — В деревнях у подножия горы объявилась нечисть. Погибло много людей. Жители объединились и просят Гору Юньцзянь о помощи. Мне нужно заняться отбором новых учеников, а от остальных братьев проку мало. Вся надежда на тебя.

Чу Ханьюэ быстро пробежал глазами текст. Письмо было сумбурным: крестьяне в красках расписывали ужасы, утверждая, что демон пожирает по сотне человек в день. Однако Чу Ханьюэ остался спокоен.

— Не волнуйся. Завтра же отправлюсь в путь. Я не подведу тебя, Глава.

Лянь Гуанмань кивнул.

— Будь осторожен. К твоему возвращению я подберу тебе пару смышлёных мальчишек в ученики. А то у тебя их совсем мало — негоже, если твоё великое мастерство останется без наследников.

Проводив Главу, Чу Ханьюэ отправился искать Цинь Фэна, чтобы проверить его обязательные уроки, но того нигде не было. Чёрная змея передал ему стопку бумаг.

— Он сказал, что ему нужно пробежать круг вокруг горы Юньцзянь. Ушёл пораньше, иначе, говорит, к ужину не обернётся.

Цинь Фэн едва успел отойти от поселения, как почувствовал за спиной слежку. Этот преследователь был куда искуснее вчерашних бедолаг, но всё же не представлял для него

серьёзной угрозы.

— Неужели ещё кто-то мечтает превратиться в свинью? — бросил он через плечо.

Не успели слова затихнуть, как перед ним возник юноша в белоснежных одеждах с застывшим, словно маска, лицом.

Чэнь Линь окинул его презрительным взглядом: противник казался слабым, а его дыхание было даже тяжелее, чем у простого смертного.

— Так это ты вчера превратил моих младших братьев в свиней?

— Я, — Цинь Фэн насмешливо вскинул бровь. — И что ты мне сделаешь?

— Твоя магия сильна, но тело немощно, — Чэнь Линь медленно обнажил меч, направив острие прямо в лицо Цинь Фэну. — Если я буду достаточно быстр, прикончить тебя будет проще простого.

<http://bllate.org/book/17570/1659092>